

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

РУССКИЙ
ЧАСТОКОП

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Русский частокол / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Подвиги древних славян).

ISBN 978-5-04-108299-4

Роман о жизни и ратных подвигах древнего славянского рода. Рассказ о любви и преданности, о силе и коварстве, о мудрости и заветах далеких предков.

Общий тираж книг А. Тамоникова — около 10 миллионов экземпляров.

На берегу Оки соседствуют три славянских племени. Всякое между ними бывало: и враждовали они между собой, и делили спорные земли, и вместе забавлялись на Ивана Купалу, и воровали друг у друга невест... Но пришла беда — добрались до здешних мест свирепые хазары. И встал вопрос: пропадать соседям поодиночке или сообща дать отпор врагу. Старейшина одного из родов, мудрый Дедил, предлагает объединиться. В первом же бою славяне заманивают передовой отряд хазар в ловушку и уничтожают его. Хвала богам! Но не ведают победители, что в этой схватке погиб любимый сын хазарского кагана. А это значит — жди лютой мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-108299-4

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Ветви векового дуба, мимо которого шла широкая тропа от селения Вабежа к капищу — ритуальному месту рода Кобяк, гнулись от порывов сильного ветра, клонились к земле от дождя. Сверкали молнии, гремел гром. Листву срывало и уносило от леса в поле. Молния ударила в невысокую сосенку, что росла недалеко от дуба, и та вспыхнула свечой яркой, сгорев в мгновение. Прогредел оглушительный гром и — еще удар. На сей раз молния угодила в очищенное от ветвей бревно срубленного дерева. Но бревно не разгорелось — дождь затушил. Небесный огонь приближался к старому дубу, который почитался как символ вечной жизни. Казалось, Сварог, верховный бог славян, вместе с Перуном, богом грома, молнии и ветра, прогневались на дерево и вознамерились изничтожить его.

— Ой, Вавула, боязно мне, — проговорила девушка шестнадцати лет, которую под кустом акации сжимал в объятиях молодец двадцати одного года.

— Ничто, Ведана, побесится Перун да успокоится, охолонится.

— Ох и заругает отец, я же говорила, что к Дарине Перстан пойду, а она рядом живет. Наведается отец туда, а меня нету.

— Куда он пойдет в такую непогоду?

— Может пойти. И чего отвечать?

— Скажи, до грозы на реку наведалась. Искупалась. А потом и ветер поднялся, и гром загредел, и молнии ударили. Под обрывом на берегу и схоронилась.

— Не поверит.

— Но и не прознает, что мы вместе были.

— Это да...

Куст, спасавший поначалу, теперь перестал быть защитой. Набух от воды, проливал ее на укрывшихся под ним. Холщовая рубаха, подпоясанная ремнем, у Вавулы и такая же, только длиннее, ниже колен, украшенная вышивкой по верху горловины, у девушки промокли насквозь. Так же и штаны у парня, и онучи у обоих. Вавула крепче прижал к себе Ведану, так теплее. Сверкнула третья молния, и эта попала в дуб.

Оглушительный гром заставил Вавулу и Ведану пригнуться. Раздался треск, вековое дерево расщепило, как плаху, пополам, от середины пошел вверх огонь, охватил крону, и занялся дуб ярким

факелом. И надо же, после этого гроза прекратилась. Тучи скрылись за лесом, ветер стих. Боги сделали свое дело, Перуна, видать, уговорил сын Сва-рога Дажьбог — Солнца Царь. Потому как появилось светило, и все вокруг заискрилось в его ярких лучах. Только дуб горел.

— К беде то, — воскликнула Ведана.

— Может, и так, а может, и нет, — ответил Вавула, — ты беги оврагом к реке, оттуда к дому своему. А я в свое село проберусь. Мой-то отец тоже, наверное, ищет сына непутевого.

— Почему непутевого? Ты — хороший.

— О том завтра проведаешь. Помни, буду на той стороне реки, где отмель да коса песчаная. Как начнутся огненные игрища, так и буду.

Девушка кивнула и, огибая лесом горящий расщепленный дуб, бросилась в овраг, подобрав подол рубахи. Вавула снял онучи, побежал полем к своему поселению Рубино.

На берегу Оки в этом месте, где были поле и лес поблизости, стояли три села, восточнее более крупное Вабежа, старейшиной которого с момента, как встали здесь люди, пришедшие с земель северных, народ избирал Веденя Кобяка, отца Веданы. Вблизи от него через овраг да небольшие поля, менее версты, село Рубино, там старейшиной был отец Вавулы, Заруба Дедил. Дальше по тече-

нию, там, где лес вплотную подходил к обрывистому берегу реки, стояло третье село, Заледово, где люди избирали старейшиной Тихомира Сергуна. Названия селений привезли с прежних земель, пошто менять то, что утвердилось.

Села представляли собой огороженные где тыном, где плетнем поселения с воротами в ограде — в поле и к реке. На реке плоты, лодки-однодревки — хозяйство рыбаков, а рыбачили почитай все мужики.

Внутри городьбы — жилища рода. Здесь и только начавшиеся появляться рубленые дома с остроконечными крышами и пристройками-клетями, огороженные плетнем, внутри которого — загоны, хлева и полужемлянки с врытыми в землю погребамми и даже землянки, что ставили как временки на земле, где потом возводились дома.

После дождя народ потянулся на улицу. Смотрел в небо, щурясь от солнца.

Дом, где жила семья старейшины, находился недалеко от ворот, ведущих к реке. Оттуда и решил зайти Вавула. Пред тем присел на земляной бугор, обмотал ноги холстом с подошвами, обвязал бечевой. И в онучах двинулся к воротам. Хотел пройти короткой дорогой, да угодил в канаву. Попал в крапиву — обожгла огнем. Там его заметил младший брат Горян, которому недавно исполнилось десять лет:

РУССКИЙ ЧАСТОКОЛ

— Вавула? Ты чего тут? Тебя отец ищет, мама беспокоится.

— Что, брат, зол на меня отец?

— Обещался кнутом угостить, как появишься.

— Вот и иди домой.

— А что делать? Все одно идти.

— Это да, ты же расскажешь, что видел меня.

— Знамо дело, мама молвит, обманывать нехорошо.

— Угу, верно молвит. А ты чего сюда вышел?

— На реку посмотреть. А интересное с другой стороны. Мужики с бабами к большим воротам пошли. Слышал, вековой дуб опосля грозы горит.

— Да ну? — Вавула сделал вид, что не знает. — То к несчастью.

— Так же и люди молвят. А старец Светозар успокаивает, мол, отгонит зло, коли от деяний Перуна не пострадало капище.

Вавула спросил:

— А оно пострадало?

— Вроде нет. Старики туда пошли, один вернулся, поведал, что там тока мокро от дождя.

— И то добре. А ты не шляйся тут, да к воде не подходи, лучше у дома будь или с ребятней играй.

— Играться завтра на день Купалы будем.

— Ну, гляди. Отец, молвишь, дома?

— Дома. И мама, и Ерема, и Росана.

Последние были средним братом и младшей сестрой Вавулы.

Он встал, поправил полы на рубахе. Как был мокрым, двинулся к городьбе дома. Там у входа уже стоял отец. С ним соседский мужик, он что-то рассказывал, размахивая руками.

Завидев Вавулу, старейшина рода вывел мужика за городьбу, подошел к сыну:

— И где ты был?

— В лесу, — не моргнув глазом, соврал сын, впрочем, он не врал, был же у леса, можно сказать, в лесу, а то, что не один, отца не касалось.

— В лесу? — удивился Заруба Дедил. — И чего ж ты там делал?

— У меня на охоте у прежнего лука верхний рог обломило, видать, сильно тетиву натянул, вот и искал заготовку для нового.

Отец с недоверием посмотрел на сына:

— Нашел?

— Не-а. На опушке можжевельника нет, а вглубь зайти не успел, началась гроза, мыслил, прибьет еще молния. Разгневался бог Перун не на шутку.

— И где, в каком месте ты был?

— Да недалече от векового дуба, в который молния попала, под кустом. Вот видишь, промок весь.

— У дуба? Ты видел, как он загорелся?

— Видел, — кивнул Вавула, — тока до того молния сожгла сосенку, подожгла бревно, что мужики там оставили. Бревно дождь погасил, сосенка же сгорела. А потом молния уже в дуб ударила. Но загорелся он не сразу, поначалу расщепило его, и тока потом огонь по дереву от середины, где расщеп, к кроне пошел. И что дивно, отец, как загорелся дуб, так гроза тут же и прекратилась. Через время малое уже солнце светило. Ну я обходами домой.

— Пошто обходами?

— Дабы высохнуть немного под солнцем-то.

Старейшина хмыкнул:

— Хм, вроде не врешь.

Вавула воскликнул:

— А чего мне врать-то? Не дитя уже, не отрок, считай мужик, осталось домой жену привести, да свой дом поднять. Уже двадцать один год.

— Слыхал я, Вавула, ты на дочь старейшины рода Кобяка в Вабеже, Ведану, глаз положил?

— А чего? Девка хорошая, статная, красивая, здоровая. И из семьи равной.

— Откель у тебя мысли такие — равной? Али не ведаешь, что старейшину на вече избирают?

— И все одно, главенствует в роду старейшина. Вот и Ведана — дочь старейшины.

— А как же Голуба, дочь гончара Лихаря Рубана? Мы ж с ними о твоей свадьбе договорились. И он согласился, и Голуба.

Вавула понимал, что пойти против воли отца открыто и ныне вызовет только гнев у родителя да упорство, которое уже не сломить, посему схитрил:

— Ну вы ж пока тока договорились. До сватовства дело-то не дошло?

— Умыкнешь ее завтра, и сделано, почитай, дело. Остальное пойдет само собой.

— Ладно, треба умыкнуть невесту, умыкну. А где землю мне община выделит под дом?

— Община и решит, земли свободной на селе много.

— Добре, отец, пойду переоденусь, а то хворь подхватчу и вместо праздника на лаве огненным валиться буду.

— Ступай и — гляди у меня!

— Отец, это ты сыну, которому двадцать один год?

— Для меня ты до смерти дитем будешь.

Вавула зашел в дом, переоделся. Внутри дом состоял из теплого помещения — комнаты с единственным окном, больше для проветривания, потому как топился зимой по-черному. Подстава, что могла служить столом и малой лавкой, лавы рядом, вдоль стены низкие лавы, лежанка, на стенах шкура медведя, других зверей, убитых на охо-

те. Вторая медвежья шкура на дощатом полу. Такие стали недавно делать. В простом жилище — полуземлянке пол был земляной. У входа отдельная каморка, рядом печь-очаг глиняная. К дому-срубам пристроили две пристройки — клетки, там кладовые, комнатенки. Крыша утепленная, покрыта соломенными вязанками.

Мать выставила на стол уху, кашу, кувшин с квасом, половину каравая.

Потрапезничав, Вавула завалился на свою лежанку, что ближе к печи, потянулся:

— Хорошо!

Мать собрала утварь, смахнула со стола крошки и вышла. Ей еще надо было воды из родника на-таскать. Все хозяйство в общине по традиции вели женщины. Мужики — добытчики, они работали на земле, охотились, рыбачили. Кто-то занимался ремеслом, больше бортничеством, резьбой по дереву, кладкой печей, отец Голубы — тот гончарил. У всех было дело. Без него не проживешь.

Вавула задремал. От дремы оторвал его отец:

— Не захворал?

— Не-е.

— Тогда не рано ли завалился спать?

— А чего делать-то?

— Не ведаешь? Жених тоже. А верши проверить? С бреднем по реке пройти?

— Так не голодный же год.

— То только Велесу вестимо. Подымайся и выходи на берег, да переоденься.

— Ладно, иду!

Вскоре сын с отцом (Заруба Дедил, не глядя на старейшинство в общине, работал, как все) на лодке-однодревке, выдолбленной из куска целого дерева, отошли от берега. Вавула, правивший веслом, пустил лодку по течению. Верши ставили ниже, где помельче на изгибе реки у омутов да прибрежных ив. Рыбы там водилось много: и жерех, и подлещик, и плотва, и язь, и сазан.

Вернувшись, оставили улов, взяли бредень. Пошли вдоль берега вверх по течению до обрывов. Тут взяли крупного леща, щуку и стерлядь. Вытащив бредень на берег, мелочь бросили обратно в воду, крупную в корзинах поставили в однодревку. С уловом пришли к нижнему затону напротив села. Туда же сходились и другие рыбаки. Места для рыбалки хватало всем.

Дедил рыбачил поблизости, кто-то дальше, за омутом и обрывами. Опять-таки одни проверяли снасти, покуда солнце не ушло к горизонту, другие позже, третьи в сумерках, дабы не мешать друг другу.

С уловом вошли на подворье. Жена старейшины принялась чистить рыбу, что пойдет на уху да

жарево-парево, отобрала часть улова для соления и копчения — заготовки на зиму.

К Дедилу пришел старец Светозар, весь заросший, в одеже, отличной от других. Он был в общине волхвом, или жрецом, или, как его еще называли, — кудесником. Именно он творил все обряды и смотрел за святым местом сельчан, за капищем. Его почитали на селе, без него не бывало ни одного праздника, ни одной свадьбы, ни одного погребения. Только он был способен общаться с богами.

Старейшина встретил волхва, усадил на лавку перед домом, внутрь тот пойти не захотел. Жена принесла квасу. Светозар отказался, попросил воды. Ольга принесла чашу с родниковой водой.

Дедил молчал, первым должен был говорить старец.

Тот скovyрнул кусок грязи с рубахи, выдохнул:
— Нет боле дуба векового.

Старейшина насторожился:

— И чего теперь? Беды ждать?

— Беда, Заруба, приходит, когда ее не ждешь.

О том же допытывались и сельчане, молвил, коли капище не пострадало, знать, обойдется. Тебе скажу: не обойдется.

— Что с капищем?

— Там ничего, а вот гибель дуба — дурная примета. Сколько веков простоял, и ничто. И еще